

УДК 271.2 «1914/19»

И. А. Грищенко

Гомельский государственный

технический университет имени П. О. Сухого

ПРАВОСЛАВНОЕ ВОЕННОЕ ДУХОВЕНСТВО В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Первая мировая война, революционные потрясения, девальвация христианских ценностей, беспомощность человека перед историческими событиями вскрыли всю глубину духовного кризиса, в котором пребывала Европа. Статья освещает участие российского православного духовенства в военных событиях Первой мировой войны.

Первая мировая война (1914–1918) в советской историографии преподносилась исключительно как война империалистическая, а значимость ее определялась тем, что она являлась прологом социалистической революции. По этой причине сегодня многие страницы Первой мировой войны мы открываем для себя заново. Такая тема, как участие духовенства в военных событиях до сих пор остается мало разработанной.

В Российской империи с XVIII века существовал институт военного духовенства. Последняя реорганизация управления военным духовенством произошла в 1890 г., когда была введена должность протопресвитера военного и морского духовенства. Протопресвитер – высшее положение в среде белого духовенства – по своему статусу приравнивался к архиепископу и генерал-лейтенанту [1, с. 369]. В 1911 г. протопресвитером был назначен священник Георгий Шавельский, уроженец Беларуси (Витебская губерния). В 1914 г., накануне Первой мировой войны, по инициативе протопресвитера Георгия Шавельского состоялся первый съезд военного и морского духовенства, итогом которого стало принятие инструкции-памятки для военного духовенства, определившей точный круг обязанностей военного священника. В начале XX века в военно-духовное ведомство входило 730 священников и 150 диаконов. Число священников на протяжении войны значительно увеличилось за счет мобилизации на фронт священнослужителей из епархий и составило уже более пяти тысяч человек [2, с. 359].

Полковые священники, помимо выполнения своих пастырских обязанностей, работали в госпиталях, помогали на передовой, спасали беженцев от мародеров. Православное духовенство принимало активное участие в организации медицинской помощи, как военным, так и гражданскому населению. В Минске за время войны было организовано рекордное количество лазаретов, – четыре сводных госпиталя. Один из них – Серафимовский лазарет духовно-учебных заведений Российской империи, размещавшийся в здании Минской духовной семинарии. 17 сентября 1914 г. молебен и чин освящения совершил Минский епископ Митрофан (Краснопольский) (до этого – Гомельский викарный епископ). Начальником лазарета стал иеромонах Николай (Муравьев), в то время единственный в России монах-хирург. У иеромонаха Николая был большой практический опыт: будучи студентом Военно-медицинской академии, он работал санитаром во время русско-японской войны. Современники вспоминали иеромонаха Николая (Муравьева) как жизнерадостного, энергичного человека, «неволью привлекавшего к себе своей обаятельностью и своей отзывчивостью к нуждам ближнего».

До войны Николай Муравьев снискал известность в Петрограде тем, что безвозмездно врачевал бедноту в рабочих районах. По просьбе епископа Митрофана иеромонах Николай возглавил также лазарет при архиерейском доме [3, с. 294–295].

Священники, находящиеся на передовой, кроме пастырских обязанностей (совершаемых нередко под обстрелом) помогали сослуживцам в решении бытовых проблем, вели переписку с родными раненых и убитых, а нередко, принимая участие в боевых действиях, проявлением личного героизма вдохновляли воинов. Так, например, священник 9-го драгунского Казанского полка Василий Шпичек, вылетев на лошади с криком «За мной, ребята!», поднял полк в атаку против австрийцев, которые бежали с поля боя [2, с. 322–323]. 27 февраля 1915 г. в критический момент боя, когда части трех полков готовы были сдать свои позиции, священник 240-го пехотного полка Иоанн Терлецкий с крестом в руках появился на линии огня, чем воодушевил воинов на контратаку. Священник был представлен к кресту на Георгиевской ленте [2, с. 330]. Иеромонах Феликс (288-й пехотный Куликовский полк, 72-я пехотная дивизия) под шквальным огнем противника причащал тяжелораненых. На следующий день командир полка попросил иеромонаха Феликса сопроводить раненых на перевязочный пункт в сторону г. Даркемена. Подвода наткнулась на вражеский разезд. Носильщики вступили в бой и в результате попали в плен. Священник сумел вывезти раненых и доставить их в лазарет. За войну иеромонах Феликс трижды награждался орденами [2, с. 331]. Об иеромонахе Евтихии (Тулупове), служившем 289-м пехотном Коротоякском полку, оставила воспоминания певица Н. Плевицкая, работавшая со старцем в госпитале. Ее поразило душевное спокойствие иеромонаха в условиях переполненного лазарета. Когда летом 1915 г. полк попал в окружение, на прорыв солдат повел с крестом в руках старец Евтихий, получивший в этом бою смертельное ранение [2, с. 332]. Священник брест-литовского Свято-Николаевского Братского храма Константин Зноско-Боровский, будучи священником 8-го Финляндского стрелкового полка, за самоотверженное служение был награжден тремя орденами и золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте [2, с. 336]. К концу 1915 г. более полутора тысяч священников получили награды. Георгиевского креста были удостоены 14 человек [2, с. 336–337]. На фронте наравне с рядовыми священниками трудились и архиереи. Епископ Трифон (Туркестанов) в начале войны по собственному желанию отправился на Галицкий фронт в качестве полкового священника. Архиепископ Димитрий (Абашидзе) служил на одном из кораблей Черноморского флота.

Вблизи передовых позиций совершали богослужения Преосвященные: Минский Митрофан (Краснопольский), Гродненский Михаил (Ермаков), Варшавский Николай (Зиоров), Холмский Анастасий (Грибановский).

Уникальным источником по истории этого периода является дневник гомельского священника Петра Рылло, который в 1914 г. служил на Холмщине. Во время боев на русско-австрийской границе он спасал мирных жителей от грабежей и насилия как со стороны австрийских, так и со стороны российских солдат. В воскресные и праздничные дни протоиерей Петр Рылло собирал своих прихожан в Туровом боре, где совершал для них утреню и Литургию на Св. Антиминсе, взятом из храма [4, л. 43–44]. Священник Петр Рылло подал прошение на имя протопресвитера Георгия Шавельского и в октябре 1915 г. был откомандирован на фронт в 11-ю армию Юго-Западного фронта в 6 армейский корпус генерала В.И. Гурко [4, л. 89]. Будучи полковым священником, Петр Рылло испытал все тяготы окопной войны: отпевал, совершал молебны под обстрелом вражеской артиллерии, подносил патроны, помогал в лазарете врачам и санитарам.

Отдельная тема – служение духовенства в условиях оккупации и плена. В начале войны архиереи приграничных западных епархий запретили священникам оставлять свои приходы. К этому распоряжению у священника Петра Рылло было довольно критическое отношение: австрийцы и немцы крайне недоброжелательно относились к русскому православному духовенству; отмечались многочисленные случаи угона священнослужителей в плен, издевательств над ними и их домочадцами и даже убийства. В реализации решений Гаагской конвенции об организации религиозной жизни военнопленных немецкое и австрийское руководство столкнулось с проблемой: большой процент православных (80 % от общего числа военнопленных российской армии) и недостаточное количество православных священников [5, с. 162]. Попытки привлечь к исполнению пастырских обязанностей католиков и протестантов встретили противодействие и со стороны верующих, и со стороны пастырей иных конфессий (особенно католиков).

При Святейшем Синоде была учреждена комиссия, под председательством протопресвитера Георгия Шавельского, занимавшаяся проблемой духовного окормления военнопленных. Но, во-первых, решения Копенгагенской конференции, на которые можно было опереться при отправке священников в лагерь военнопленных на территорию Германии и Австрии, были приняты относительно поздно

– в 1916 г. Во-вторых, до сих пор не известны случаи какой-либо организованной добровольной отправки духовных лиц из России в лагеря военнопленных. Очевидно, их и не было из-за противодействия германо-австрийской стороны, которая православных священников характеризовала как «злоупотребляющих доверием подстрекателей и носителей вражеской пропаганды». В-третьих, проблему организации религиозной жизни в лагерях пробовали решить за счет православных священников, попавших в плен. Но содержание в плену военного священства было таким тяжелым, что многие священники, если предоставлялась такая возможность, возвращались на родину, вопреки желанию протопресвитера, который призывал духовенство до конца войны оставаться в плену, чтобы «подавать духовное утешение военнопленным» [5, с. 159].

Об условиях содержания в плену свидетельствует рассказ протоиерея Петра Рылло, который встретил священника Николая Чаловского, вернувшегося из плена: «Вид его был ужасен. Еле живой, бледный, измученный, с впалыми глазами, одетый буквально в рубище – в какой-то рваный пиджачок, рваные брюки, ботинки, такую же изорванную шапчонку – он производил впечатление старца-нищего. Рассказ его о переживаниях в плену заставил меня плакать, плакал и несчастный старик. После долгих странствий, оскорблений и оплеваний привезли его в Нижнюю Австрию в какое-то имение, где поселили с другими пленниками в каменном сарае, не то конюшне, с цементным полом. «В этом помещении печей не было, приспособлений для спанья также никаких. Помещение согревалось нашим дыханием. На пол бросили нам солому, которая не менялась целую зиму до Пасхи. Солома эта превратилась в труху, которая буквально ходуном ходила от множества насекомых. Кормили нас всякими отбросами. От скученности, холода и недоедания появился тиф, который многих унес в могилу»» [4, л. 28–29].

С болью описывает Петр Рылло моральное разложение армии под воздействием революционной пропаганды, которую австрийцы использовали в своих целях. Во время «братания» на Пасху 1916 г., помимо распространения прокламаций с призывом сдаваться в плен, неприятель собирал информацию о русских позициях и наносил точечные удары, которые приводили к большим потерям [4, л. 100–101].

Протоиерей Петр Рылло отмечал, что экстремальные условия войны обостряли у людей религиозное чувство. Но оно нередко соседствовало с ожесточением и злобой, толкающей на святотатство, как, например, надругательство над Святым Крестом, который австрийцы

(все-таки, христиане!) поместили в нужник, не говоря уже о неподобающем использовании священнического облачения солдатами. Однако, по признанию священника, никогда он не чувствовал такой теплой молитвы, как во время праздника Покрова в 1914 г. в Богородицком храме Кржешова под артобстрелом австрийцев, или во время Литургии на открытом Антиминсе в лесу в окружении своих прихожан, спасавшихся от бомбежки [4, л. 33–34, 44].

Диапазон настроений в священнической среде в разгар первой мировой войны был довольно широкий: от духовного подъема до глубинного переосмысления христианского учения. Архимандрит Спиридон (Кисляков) (1875–1930), будучи полковым священником, своими проповедями поднимал солдат в атаку. Он оставил свое фронтовое служение, когда увидел падающие бомбы с немецкого самолета, на крыльях которого чернели кресты. Крест – символ победы над смертью, и увиденное было пережито священником как глумление над святыней, как позор всех христиан и его собственный позор [6, с. 28–29].

Резко изменилось настроение на фронтах после Февральской революции. Временное правительство своим либерализмом в вопросах религии (закон «О свободе совести», «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений») оставило военное духовенство без государственной поддержки и спровоцировало анархию в войсках, отменив прежнюю субординацию. О падении авторитета военного духовенства свидетельствовали участвовавшие случаи издевательств над священниками со стороны солдат, изгнания их из армии, вплоть до физической расправы. Поводом для изгнания из госпиталя священника Иоанна Юхновского стало сделанное им замечание солдату, который проявил непочтительность к святыне. Священник Сергей Белозеров отмечал: «Матросы, понимая по-своему «свободу», не пожелали иметь постоянные богослужения, к молитве ленивы, к храму нерадивы» [2, с. 373]. В редких случаях удавалось сохранить паству среди солдат, как, например, иеромонаху, будущему архиепископу Тихону (Шарапову), который сумел организовать «Братство Христа Спасителя» [2, с. 374]. Но чаще всего в среде распропагандированных солдат священники, рискнувшие продолжить миссионерскую деятельность, слышали сетования: «Поздно вы пришли. Опоздали. Почему раньше нам никто о Христе не говорил? Иными мы были бы тогда, и все было бы легче» [6, с. 34].

Первая мировая война, революционные потрясения, девальвация христианских ценностей, беспомощность человека перед историческими событиями вскрыли всю глубину духовного кризиса, в котором пребывала Европа. Православное военное духовенство

призвано было способствовать сохранению человеческого лица в людях, оказавшихся в условиях бесчеловечности.

Список источников и литературы

1. Фирсов, С. Церковь в Империи: Очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II / С. Фирсов. – СПб: САТИС-ДЕРЖАВА, 2007. – 460 с.

2. Шарков, А. В. Крест Отечества. События и лица Первой мировой войны / А. В. Шарков, В. В. Грозов, Ю. А. Бествицкий. – Минск: Белорусская Православная Церковь; Международный благотворительный фонд «Семья-единение-Отечество», 2014. – 415 с.

3. Бондаренко, В. В. Утерянные победы Российской империи / В.В. Бондаренко. – Минск: Харвест, 2010. – 448 с.

4. Дневник протоиерея Петра Рылло (рукопись 1932 г.) // Архив Гомельской епархии.

5. Нагорная, О. С. Религиозная жизнь российских военнопленных в немецких лагерях в годы Первой мировой войны / О. С. Нагорная // Отечественная история. – 2008. – № 5. – С. 156–164.

6. Анатолий Жураковский, священник. «Мы должны все претерпеть ради Христа...»: проповеди, богословские эссе, письмо из ссылки к своей пастве / Сост. авт. биограф. очерка и коммент. П.Г. Проценко. – М.: Православ. Свято-Тихонов. гуманитар. ун-т, 2008. – 348 с.